

ГДЕ ТЫ СТОИШЬ,
РЕШАТЬ ТЕБЕ –
НА ВЕРШИНЕ ГОРЫ
ИЛИ НА КРАЮ
ОБРЫВА?

Мир, который её пригнал

роман

Р. Марко

16+

Р.Марко

Мир, который ее принял

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Р.Марко

Мир, который ее принял / Р.Марко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-98427-1

Клэр всегда жила ярко: тусовки, друзья, путешествия, новые впечатления. Путь к самопознанию и поиск смысла жизни оборачиваются для героини чередой событий, которые заставляют быть всегда на грани и висеть на волоске от гибели. Долгий путь домой: от бури в горах до заточения в плен, от побега из лап черта до спасения в монастыре. Перерождение души позволит Клэр принять себя и мир, который ее окружает, а также пережить утрату самого важного человека в ее жизни.

ISBN 978-5-532-98427-1

© Р.Марко, 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1. Буря	5
Глава 2. Под завалом	8
Глава 3. Пленницы	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Р.Марко

Мир, который ее принял

Глава 1. Буря

После двухдневного вояжа по просторам водораздельного хребта мы оказались в километре от цели. Это было так близко – рукой подать. Но с каждым шагом расстояние как будто увеличивалось. Когда я смотрела на пик, мне казалось, что он становится дальше. Снежинки оседали на моей шапке и лице, мгновенно таяли, и я то и дело вытирала капли с подносого желобка. Черт, терпеть не могу это отвратное слово: «же-ло-бок». И зачем вообще мне бабушка рассказала, как эта часть лица называется? Теперь вот засело в мозгах – не отвяжешься.

Плетемся вереницей друг за другом, то и дело поднимаю голову, чтоб зацепится взглядом за затылок впереди идущей. Трос временами стягивает талию, если сбавляешь темп или кто-то позади начинает плестись, еле волоча ноги; и только кратковременный звон карабинов разбавляет хруст снега. В группе нас девять разновозрастных девушек и женщин – точно клуб феминисток. В голове группы уверенно шла инструктор, за ней по цепочке – остальные. У меня не было желания вырываться вперед, поэтому я держалась в замыкающих. Поход организовывал один небезызвестный турклуб «Возрождение». Объявление о наборе желающих отправиться в очередной поход я увидела в интернете. Впечатлил текст рекламного сообщения: «Марафон нового поколения! Перезагрузим вас без тренингов, коучинга, психологов. Только для сильных характером женщин!» Я уж думала, что нас всех окончательно затянуло в интернет, но вот появилась надежда, что все-таки мы еще можем общаться и развиваться вне поля влияния мониторов и фитнес-марафонов в Инстаграме. Меня всегда тянуло на адреналин, завидую тем людям, у которых он начинает зашкаливать даже при разговоре с незнакомым человеком или перед выступлением на большую аудиторию. У меня все иначе: я ловлю кайф только в экстремальных ситуациях, каждый раз бросая себе вызов.

Привал, как долго я тебя ждала! Мы делали остановку между переходами каждые два-три часа. Под стоянкой я подразумеваю – бросить свой двадцатипятикилограммовый мешок на снег и тяжелым, уставшим балластом упасть туда же, лежа ловить снежинки ртом, рассматривать ясное небо, чуть подернутое облаками. Приходилось наблюдать, как спутницы пытаются делать ангелочков, лежа на снегу: взмахивать ручками, ножками вверх и вниз – ой, какая радость. Посмотришь и задумаешься, что я вообще делаю среди них?

– Клэ-эр, смотри как миленько! Не хочешь присоединиться? – прокричала Даша – моя соседка по палатке.

– Нет, спасибо, как-нибудь обойдусь. Фр-р!

Лежу, вспоминаю, какой был мандраж накануне поездки, а сейчас вот в полном отупении, и уже ничего не надо – ни селфи на фоне пика, за которым я, собственно, приехала, никаких других достижений, которыми я так хотела блеснуть среди своих.

Одна мечта – только бы больше не взваливать на спину тяжеленный рюкзак. И какого рожна я притащила с собой всю эту дребедень!

Отец пытался меня переубедить, говорил, что будет более чем предостаточно в четырехдневное путешествие взять лишь часть моего списка. Но мне казалось, что я обязательно должна положить с собой раскладной стульчик, пару книг, дабы в дороге с умным видом посматривать в окно, а потом опять в книгу, тем самым создавая поездную романтику. Кстати, не положить ли мне еще пару банок провизии... Итак, мы имеем: термобелье, флисовый теп-

ляк, новый костюмчик The North face – купила накануне – казалось, что именно так должен выглядеть настоящий альпинист...

– Подъем! Хорош загорать. – Окрик инструктора вывел меня из плавающего состояния. – Это тебе не на шезлонге валяться бегемотиком на «все включено». Рюкзак на плечи! И лопату свою не забудь! – Распоряжалась неумолимая Марго.

О, как же она меня достала своей нарочитой бодростью и тягой к подхалимажу. Поднимаюсь, скрипя своими «кошками», забрасываю рюкзак на спину и, негромко матерясь, хватаю лопату. Откуда у меня появился этот внезапный инструмент? Сама до сих пор в изумлении. Как-то на одном из переходов, отстав от группы, я увидела торчащую из земли рукоятку, которую черт знает зачем дернуло проверить: а чего это она там стоит, да и кто ее мог туда поставить? Приблизясь, я поняла, что это лопата. Степень моего изумления была безгранична. Я крикнула:

– Ребята! Здесь лопата!

Все смеялись и говорили:

– Да-а Клэр, только ты могла ее найти в безлюдной местности.

Инструктор остановилась и заявила, что это знак свыше и мне нести это бремя с собой. Теперь мы с ним – знаком и бременем – неразлучны. Хоть бы одна сволочь помогла!

Маршрут у нас был сложный. Приходилось карабкаться по крутым склонам, брести по горной долине или на выдохе, рысью спускаться вниз по ущелью. Между делом, когда мой мозг начинал генерировать мысли, в голове пульсировало: «Так как же я буду отмечать свой фурор по возвращении домой? Соберу человек десять в ресторане, после полетим в клуб или на дачу к друзьям...» И тут над ухом инструктор взвизгивала:

– Фантастика!

Сволочь, с мысли сбила. Приходилось повторять свою изначальную версию, бубнить, как мантру: «Я здесь, чтоб дойти до пика и кайфануть, что смогла это сделать. А эта безумная Марго – временное явление».

Спустя некоторое время после преодоления основного пути у меня как будто прошла перестройка всех систем, шаг становился все увереннее, ощущение, что вот-вот мы это сделаем, играло и подзадоривало. На очередном перевале я зависла, наблюдая, как на вершине пика выюжит, закручивает маленьким вихрем снег. И он так переливается, что дух захватывает – словно камни Swarovski в витрине «ДЛТ». Подобного природного явления я ранее не наблюдала, но в памяти всплыло, что говорили мне некогда родители: «Снег играет в горах перед бурей». Девушки в нашей группе не обратили на это особого внимания, да и я подумала, что уж инструктору виднее.

К вечеру разбили лагерь на небольшой возвышенности, у самого подножья горы. Тишина на высоте, ужин в котелке, и по стопке коньяка с копченым салом. У костра тем вечером было очень по-семейному. За эти дни мы все сблизились: разговоры о вечном, прекрасном, о планах на следующие завоевания под багровеющим закатом и все такое. Как по мне, закат упорядочивает человеческие мысли и слегка навеивает грусть. Но это приятная грусть, которая пробуждает особые чувства: предвкушение, воспоминания, мечты, надежды и многое другое. Я люблю смотреть на закат, в эти минуты совершается откровение между тобой и небом, оно словно снимает с себя одежду – яркие ткани, одну за другой, и ты становишься свидетелем особого таинства. Закат тем вечером мне напомнил недавний отпуск, который мы проводили с семьей на острове Корфу в Греции.

Все же интересно выдумала природа: пестрые краски багрового заката так похожи, хотя континенты, времена года, обстоятельства – абсолютно разные. Морской закат вбирает в себя дуновение соленого ветра, шум волны, теплые тона прячущихся за горизонтом облаков, крик восторженных чаек, ласкает взор бархатом уходящего солнца. В горах все иначе. Краски уже не такие теплые, новичка пугают силуэты горных хребтов. Размышляя, я успевала играть в

одну увлекательную игру. Глядя на хребет, пыталась высмотреть в нем фигуру животного или человека. Мне повезло: вдруг показалась голова ястреба, нарисовалась шляпа почтенного мужчины. В горах темнеет рано, поэтому на приветствие и прощание с закатом остается не так много времени. Ночь падает темным покрывалом внезапно, стоит солнцу спрятаться за вершиной. Пора спать. Мы были утеплены в три слоя, но все же хотелось скорее нырнуть с головой в свой спальный мешок, спрятать нос рукой, согреться и заснуть, ведь впереди великий день по захвату высоты. Подъем предполагается не позднее шести утра, так как нужно успеть сходить на ледник, набрать в котелок ледышек и сварить на талой воде кашу на всех девчат. Мне нравится быть дежурной по полевой кухне: приятное чувство, когда лагерь спит и спит еще природа, и только ты в тиши, не торопясь готовишься встречать рассвет и сонных сподвижников.

На девятерых мы разбили скромный лагерь из двух палаток. В первой разместилась Марго и еще четверо добровольцев, во второй палатке – я с остальными амазонками. Палатка стояла на четырех кольях, этого всегда было достаточно, чтоб устойчиво закрепить наш шатер. Четыре тела в мешках расположились тесно друг к другу ногами к выходу. В менее энергозатратных путешествиях остаются силы, чтоб посплетничать на сон грядущий, в этот раз, увы, не сложилось. Раз, два – и слышен мерный свист рядом лежащей. Под этот свист я, немного вздрагивая, потихоньку отъезжаю в мир морфея.

Глава 2. Под завалом

Хлопок, еще один! Вздрагиваю от сильнейших вибраций, лицо соприкасается с брезентом, который хлещет по щеки, и тут понимаю, что все крепежи разлетелись к чертовой матери по сторонам. Но как?! Мы продолжаем лежать, начинается внутренняя паника, слышно, как тонны снега с вершин падают и разбиваются о скалы. Как током по телу сработал импульс: «Буря!» От этого еще страшнее – спирает дыхание, мы на вершине, выйти нельзя – снесет мощнейшим порывом ветра или завалит, не успеешь опомниться. Грохот такой, что мы не слышим друг друга, только пару раз доносились отдаленные голоса и ревуший возглас Марго:

– Вы живы?!

Каждая из нас что есть мочи орала в ответ:

– Мы живы!

Хотя не знаю, зачем мы это делали, это же за нами не команда спасателей на голубом вертолете прилетела, а такие же беспомощные, которым приходится только ждать – повезет или нет. Засыплет совсем или останется доступ к кислороду.

Сейчас уже трудно сказать, сколько времени прошло между тем, как мы заснули и проснулись под звуки падения лавин – возможно, час или два.

Глубокая ночь. Мы лежим, снег все также с грохотом падает вниз, ветер запорошил нас окончательно, брезент уже не хлопает перед лицом, дышать все тяжелее. Снежная буря – одно из самых опасных явлений в горах, при ветре большой силы с резкими порывами сложно выйти из пучины снега, вернее, невозможно. Мы оказались в опасной зоне, словно в красной комнате или на арене перед быком, но без тореадора и опыта управляться с животным. При таком раскладе взбешенный бык уничтожит тебя за считанные минуты. Мы находились на открытом выступе, здесь буря себя вела еще более предательски. Чем больше высота, чем ниже температура воздуха – тем сильнее буря и выше степень опасности.

Мы потихоньку начали соединять мешки, прижимались тесно и грея друг друга телами. В снежную бурю не выжить поодиночке, на открытом пространстве, без теплых вещей и без веры в себя. В такой ситуации главное – сохранять хладнокровие и трезвость ума.

Мы начали молиться: «Боженька, спаси и сохрани! Неужели это все?! Разве так я должна покинуть этот мир? Такова цена расплаты за тщеславие?»

Горячие слезы ручьями катились по холодным щекам. От страха в голове начали путаться мысли: «Отче наш, иже еси на небеси, да святится время Твое! Какое время, блин, нет, Имя Твое...» – и все заново. Было ощущение, что нужно скорее прочесть молитву, дабы защитить себя и нарисовать спасительный круг, очерчивая палатку от стихии, как сделал Хома Брут в романе «Вий» у Гоголя. Возможно, не самое удачное сравнение, но все же.

А кислорода все меньше, дышать тяжелее, и в голове суматошно мечется мысль: «Хоть бы умирать было не больно, чтоб раз – и все, последний вздох, закрыть глаза, тепло по телу, легкое головокружение, тишина в сознании». Сознание постепенно затухает, погружаешься в полудрему, но что-то опять тебя пробуждает, и снова слезы из глаз. Они соленые, теплые, и хочется, чтоб они всегда оставались такими. И ты повторяешь: «Господи! Как верили в меня мои родители, сколько вкладывали в меня теплоты, любви, заботы, не разлучай меня с ними, я еще не готова. А если так надо, если мой час пришел, то пожалуйста, Боже, приснись моим родителям и скажи, что мне было совсем не больно».

Сейчас я точно помню, чем больше мы находились там, в зоне бедствия, тем увереннее и глубже понималось смирение: ты бессильна, тебе остается только ждать.

Я чувствую, как ко мне все теснее прижимается Даша – одна из амазонок. Мы познакомились с ней в поезде и особо не питали друг к другу теплых чувств. Но в тот момент мы казались друг другу такими близкими, роднее сямских близнецов. Даша, всхлипывая, пыта-

ется что-то мне сказать, но гул бури настолько силен, что мне едва удается разбирать слова. И тут я понимаю, что она говорит: «Я беременна». Меня накрывает второй волной панической атаки. Не думала, что когда-то я окажусь в роли папаши, который должен узнать благую весть. Я интуитивно прижимаю ее к себе, чтоб согреть своим теплом.

Мы лежали под снегом в горах, со стороны, наверно, жалкая кучка занесенного тряпья, а может, уже и не видно нас было, никто бы, взглянув сверху, и не понял, что здесь лежат девять жизней, точнее, десять, как выяснилось.

В памяти всплыла история про американских подростков из группы Томаса Гомана. Ведь они собирались в непростое путешествие на гору Худ, будучи полностью уверенными в своем проводнике. Среди подростков у него была репутация героя – предводителя стаи волчат, жаждущих впечатлений на всю жизнь; Томас – так его звали – нередко ради воодушевления своих учеников шел на рискованные шаги. Как сказал бы участник того трагического похода мистер К.: «Это идеальная снежная буря для ошибок». Вот и наш случай оказался именно таким «идеальным», но нам, несомненно, повезло больше. Только теперь у меня доверия нет к проводнику. «Почему!? Почему она не повернула назад, ведь за ее плечами сотни походов и восхождений, ведь наверняка она знала, что тот коварный снег на вершине играл неспроста. Ах, что же ты наделала, Марго!»

Мы продолжали бороться со страхом, я гнала все мысли прочь. Мы с Дашей лежали в коконе из спальных мешков, ее ощутимо трясло, а я почувствовала, как рядом со мной теперь билось два сердца. Я держала ее руки и понимала, что она сейчас вдвойне в отчаянии, значит, на мне двойной груз ответственности. Мне казалось, что сейчас я должна быть сильной, во что бы то ни стало помочь Дашиному малышу выжить, пусть даже ценой своей жизни. Я была готова на все.

Эта ночь тянулась бесконечно. С каждым часом приближалась точка невозврата. Вы когда-нибудь в детстве играли в страшную игру «душегубка»? Пожалуй, все дети девяностых в нее успели сыграть. Суть игры: сделать пять-шесть глубоких вдохов-выдохов, на последнем выдохнуть так, чтоб осталось только легкие выплюнуть, затем прижаться к стене, а напарник должен сдавить твоё горло какой-нибудь тряпкой, да покрепче. После чего твоё тело становится ватным, сознание тускнеет, следует легкое головокружение, хочется спать, и самое главное – наступает полное безразличие. Так и в ту ночь, оказавшись под лавиной, мы с каждым часом все послушнее принимали свою участь.

Сейчас я понимаю, что это проявление слабости спасло наши жизни. Если бы хоть кто-нибудь из нас начал бороться, попробовал выползти из палатки и начать предпринимать отчаянные шаги по спасению, мы, как жалкая горстка соплей, растеклись бы по склону и погибли поодиночке.

Спустя пять часов я могла думать только о том крохе, который оказался с нами. Один вопрос: «Почему она здесь?»

Спустя некоторое время у Дашки случилась истерика, она пыталась выбраться из палатки, горько плача, что-то несла в бреду. Для нее это путешествие должно было стать красивым воспоминанием перед длительными декретными днями.

Пытаюсь ее успокоить, прижимаю к земле. Честно, хочется врезать и сказать:

– Раньше нужно было думать, а не строить сейчас из себя жертву обстоятельств!

Придя в себя от слез, она все же открывает секрет, нет, не в оправдание, наоборот:

– Знаешь, я оказалась здесь от полного отчаяния: отец ребенка узнал о малыше перед тем, как я отправилась сюда, попросил сделать аборт. Ему я с ребенком не нужна. Не знаю, как мне жить с этим. Меня посещали самые страшные мысли, по возвращении я собиралась пойти на этот страшный шаг и избавиться от малыша, но сейчас я чувствую всем сердцем, что он должен жить. Это из-за меня на нас обрушилась буря, это мое наказание.

Самое паршивое, в тот момент казалось, что мы с Дашей одни в палатке, так как две наши соседки забились, как серые мыши, и затихли, были напуганы, и им было плевать, у кого какое бремя, они думали только о себе. Уверена, если бы в тот момент прилетел вертолет и в нем было только одно место, они покалечили бы друг друга, чтоб оказаться на борту, никто из них не подумал бы о матери со чадом.

Снова крик из палатки Марго:

– Вы живы?

– Да! Живы! – кричим в ответ.

– Мы начинаем выбираться. Буря стихла. Надо валить! – приказывает Марго.

Понимаем – это наш шанс. Мы начинаем что есть мочи раскачивать собой гору снега, завалившую палатку. Я командую: «Раз-два, раз-два, влево-вправо». После того как сбросили основную часть завала, я повернула к предбаннику и начала расстегивать полог в палатке. Руки сводит от холода, но я не чувствую боли, судорожно срываю молнию – в лицо обрушивается куча снега. В предбаннике на ощупь нахожу лопату, вытаскиваю ее наружу, лопата проделывает дыру в снежной стене. Поднимаю голову и вижу протянутую руку Марго. Мы обмениваемся взглядами и понимаем друг друга без слов – медлить нет времени. Марго помогает остальным выбираться из нашего бункера. Я пытаюсь той самой лопатой выкопать хоть какие-то остатки вещей.

Ветер сильный, все сносит, и нам едва удается оставаться в вертикальном положении. Выдергиваем из предбанника полупустые рюкзаки с надеждой хоть что-то забрать. Одну из палаток навсегда пришлось оставить. Темнота, остатки снежных лавин в отдалении продолжают с грохотом падать вниз. Мы в связке с трудом передвигаем ноги, когда не хватает сил держать баланс, начинаем ползти по-пластунски.

Тяжелее всего приходилось Ингриде Платоновне – самой старшей из нас. Она шла замыкающей, и мне приходилось ее подтаскивать за собой. Только и слышала, как она приговаривала, обращаясь ко мне:

– Дочка, ты меня не отпускай, смотри за мной в оба. Здоровье ни к черту, ой помру, не дойду.

Теперь она вызывала у меня жалость.

– Зайцы нынче поскромнее, – проронила я вполголоса. Вспоминала ее холеную, высокомерную улыбку, когда на перроне железнодорожной станции она подшучивала над участниками похода. Ее лицо представлялось мне эдаким белым пионом – такое же округлое, слегка полноватое. Фактурная женщина, и сразу видно – небедная. Ее муж как-то связан с правительственными делами, поэтому дамочка привыкла крутиться в высших кругах. Но выглядит она нелепо: зачем-то на затылке черный чепец, прикрепленный невидимками, черные лосины облегают и визуально утяжеляют и без того массивный низ. Поверх драповой куртки повязана теплая шаль. Ингрида Платоновна явно хотела выглядеть стильной кокеткой. Ее высокомерный тон начинал будоражить меня изнутри. Я понимала: ее выкрутасов хватит ненадолго, в определенный момент мне придется ее заткнуть.

Перед посадкой Ингрида Платоновна, увидев, как я глубоко вдыхаю, прежде чем войти в вагон, спросила насмешливо:

– Что, милочка, нравится запах креозота? Или перед смертью не надышишься? Ха!

Вежливо улыбнувшись на нескромную и не очень уместную шутку, для себя поинтересовалась:

– А что такое креозот, Ингрида Патроновна, ой Платоновна? – Да, я нарочно ошиблась. Рядом стоящие оценили.

– Креозот, милочка, это тяжелый химический состав, которым покрывают железнодорожные рельсы и которым мы впоследствии так жадно дышим, умирая от вдоха к вдоху. Я смотрю, ты с удовольствием травишься. Ха-ха.

Мда, ходячая энциклопедия.

Я не могла злорадствовать – сил не осталось – просто тащила ее.

Наконец мы преодолели хребет, а за перевалом и вовсе ветер стих. Мы брели, как стая побитых волчат. Мокрые до ниточки. Вещи, оставшиеся в рюкзаках, тоже впитали влагу и потяжелели. Вокруг – долина и снежная пелена.

Преодолев пару километров, мы наткнулись на охотничью избушку. Это был наш Ноев Ковчег! Мы радовались как дети: внутри нашлись сухие дрова и была исправна печь, охотники даже провизию оставили. Мы вскипятили воду! Это был самый вкусный чай в моей жизни, я поняла это после пары стаканов с тремя ложками сахара. Мы накочегарили печь так, что получилась «баня по-черному», и были этому бесконечно рады. Развесили всю мокрую одежду на просушку и рухнули без задних ног – кто на полу расстелил, кто на двухъярусной кровати, по два человека.

Мы лежали молча, каждый переваривал происходящее. Ингрида Платоновна пробубнила:

– Эх, столько вещей хороших погребено на том склоне.

Девчонки напряглись. Я не смогла сдержаться, ответила:

– Да, уважаемая, ничему вас жизнь не учит.

Ингрида Платоновна поняла, что я имела в виду, затаилась, не ответила. Марго тоже молчала. Я наблюдала за ней исподлобья, хотелось прочесть мысли, тени которых мелькали на ее лице. Осознает свою ошибку? Оправдывает ли себя? Одному Богу известно. Никто из группы не заводил разговор об этом, все и так все понимали. В избе тихо, только слышно, как дрова трещат в печи. Так тепло – никакие городские апартаменты с удобствами не заменили бы этот уют. Я четко представляла себе в этой избе охотников, которые сидят после удачного дня. Они все довольны результатом и гордятся добычей, которую привезут семье. Опытный охотник рассказывает о былых приключениях, остальные жадно слушают и пропускают каждое слово через себя.

За окном сумерки, печь так и потрескивает, я успокаиваюсь. Пошарив в ящиках, я нашла сухофрукты, заварила их, чтоб размягчить, после этого отжала как следует и дала их Даше.

– Ешь. Ему сейчас нужно питание, – сказала вполголоса, чтоб никто не слышал.

Мы проспали до позднего утра. Марго с трудом подняла нас.

– Вставайте! Надо идти! Не хотелось бы, чтоб нас здесь застали, – торопила она. Мы не сопротивлялись, незамедлительно собрали вещи и отправились в путь.

Нам повезло, потому что большинство участниц похода – девушки тренированные, в студенческие годы занимались спортивным ориентированием. Встряхнув свой старенький компас, я вздохнула с облегчением: цел родимый, цел! Этот компас мне достался еще от прадеда, который всю жизнь был егерем в сибирской тайге. Я держала подарок в правом нательном кармане, только так можно было гарантировать сохранность. Ориентироваться в горах необычайно сложно, но если обратить внимание на растительность на склонах, то ошибиться практически невозможно. Южные склоны, как правило, в большей степени покрыты сосняком и травой.

Мы двигались на юг. Идти до основной трассы оставалось совсем немного. Все чаще встречались свежие следы от лошадей. Погода была ясной. Лучи солнца слепили глаза.

Иду щурясь, но с блаженным видом на лице. Так пригрело, что щеки обдало румянцем. Марго распевает романсы – голос у нее звонкий, хорошо поет, чертовка! Мы подхватываем. Эй, веселей гляди!

Глава 3. Пленницы

Спустя несколько часов мы вышли на автобан. Узкая горная дорога-серпантин, вокруг ни души. К нашему удивлению машин не оказалось, мы продолжали идти вдоль шоссе с надеждой, что рано или поздно кто-нибудь проедет. Кто бывал в горах, согласится с неповторимым величием и красотой горных пейзажей. Солнце по-прежнему светило ярко, как бы заигрывая с нами, неподалеку слышался шум реки – она сбегает на много километров вниз, в долину. Впереди на шоссе каменное крошево – следы ночного камнепада.

Через тридцать минут мимо нас промчался старенький обшарпанный жигуль бордового цвета. Машина резко остановилась и на газу сдала назад. Из нее вывалился раскосый тувинец – средних лет, в спортивном черном костюме – прошел пару шагов к нам навстречу:

– Девушки-красавицы куда направляетесь? – спросил он, поправив тубетейку. Из машины за нами наблюдали еще четверо.

Мы начали рассказывать свою историю и попросили о помощи. Нам нужен был микроавтобус, который мог бы довезти до станции.

– Где ваши мужчины, почему совсем одни? – продолжал аккуратно расспрашивать незнакомец.

Марго поспешила ответить:

– У нас женская команда. Действительно, находимся здесь без сопровождения. Так что, можете!?

– Не проблема найти транспорт, только вам нужно будет немного подождать. Да, кстати, меня зовут Чибис, – с заметным акцентом представился он. Наказал оставаться на этом месте и ждать. Мы сидели вдоль дороги молча, каждая была занята своим делом: кто-то рисовал камешком, скребя по земле, кто-то сидел в полумедитативном состоянии; а я наблюдала, как в горах порхали крылатые ястребы, и думала, что хотелось бы скорее стать такой же свободной, как эти птицы.

– Слушайте, девчата! Да никто за нами не приедет! Давайте двинем дальше, зачем ждать у моря погоды? – предложила Даша.

– Я ноги стерла, нет сил идти, давайте еще немного подождем, – продолжила одна из участниц группы.

– А у меня уже одышка и дикая аллергия открылась на рододендрон, и что теперь! – вставила неисправимая Ингрида Платоновна.

Через час за нами прибыл УАЗик. С облегчением погрузились с вещами, расположились поудобнее. По салону были разбросаны пустые жестяные банки, крошки хлеба и остатки сушеного мяса.

Машина ехала прямо, потом кружила по серпантину, никто и не думал следить за дорогой, для нас главное – добраться до цивилизации. На тот момент казалось, что самое страшное позади, мы не задумывались о том, что наши судьбы в руках первых встречных. Чего нам бояться? Это только со стихией не договориться, она не идет на компромисс. С людьми все иначе, можно сыграть на чувствах или в карты на деньги – глядишь, повезет.

– Приехали! – притормаживая, объявил водитель. Дверь машины открыл Чибис и сказал, что нам нужно пройти за ним. Место, в которое мы прибыли, не было похоже ни на станцию, ни даже на перевалочный пункт. Оглядевшись, я насчитала около десяти засаленных черномазых тувинцев, пару ржавых УАЗов, несколько уставших лошадей, поодаль прилепившиеся друг к другу лачуги – глинобитные, ветхие. Внешний облик встречающих вызывал сомнения – настоящее отребье. Одетые в рванину, в какие-то страшные обноски – похоже, эти люди давно здесь находятся, но чем живут, непонятно.

Чибис взял у одного из аборигенов металлическую фляжку, сделал глоток, фыркнул, морщась, и занюхал закатанным рукавом. После чего пригласил нас присесть на землю у покрывала, которое накрыли для трапезы. Мы сели. На дастархане лепешки из тандыра, много зелени, соленый домашний сыр, кумыс и сушеное мясо. Я недоверчиво жевала лепешку. Ингрида Платоновна за обе щеки уплетала хозяйское кушанье и приговаривала:

– Дай Бог здоровья, хлопчики, вашим женам, которые наготовили такую вкуснятину!

Чтоб разрядить обстановку, Марго начала нести несусветную чушь, рассказывать о том, как ей нравится их край и как она с радостью напишет в газету о наших спасителях. После ее монолога наступила секунда тишины, и гостеприимные хозяева разразились громким смехом. Мы все тоже пытались смеяться, но получалось плохо: нужно было смеяться так, чтоб тебе поверили, что ты не запуганная овца в клетке, а хозяин положения и тебе совсем не страшно.

Чибис подошел к Ингриде Платоновне и вопросительно сказал:

– Что, вкусно тебе, мать? Ешь, ешь отъедайся. Женщины в теле всегда в цене. Вас есть за что щупать. Может, я проверю, а? Дай ущипну, – и потянул грязную руку к ее пышной груди. Ошарашенная, она попятилась назад, после чего ей в горло больше ничего не лезло. Шайка продолжала смеяться.

Внешний облик Чибиса напоминал мне черта, как его рисуют в книжках, самого настоящего. Один из его друзей – его звали Назир – протянул мне флягу со спиртом и велел:

– Пей!

Отмороженной, трясущийся правой рукой я пытаюсь взять в руки сосуд, но он выскользнул и упал на землю. Жидкость растеклась прямо у ног Назира, попала на его черные кирзачи. Он сплюнул из-под губы и шмыгнул носом. Мотнул головой тощему чернявому мальчишке – своему несовершеннолетнему сыну – чтоб он проводил нас на ночлег. Мы вновь обескуражено шли друг за другом. Попыток бежать не было. Брели вдоль саманных сараев, рядом с одним из них мальчишка остановился и сказал:

– Пока будете здесь, а там посмотрим, как Чибис скажет.

Внутри ночлег выглядел не лучше, чем снаружи: земляной пол, разбросанное сено, собачья миска и вонь от лошадиного навоза. Я попыталась продолжить с пацаном разговор:

– Слушай, разве можем мы здесь оставаться? Мы просили доставить нас до станции, а не к вам в гости. Пожалуй, мы откажемся и пойдем своим ходом.

– Не велено, – строго ответил наш провожатый и начал подталкивать меня в спину, понуждая войти в сарай.

Не знаю, какой черт дернул меня начать вопить не своим голосом:

– Да послушайте вы, наконец! Отпустите нас от греха подальше. Мы никому зла не желаем. Вас ждут дома семьи, маленькие дети, и они уверены, что вы скоро вернетесь. Вот и нас ждут наши семьи, понимаете? Мой дед – вольный казак на кавказской заставе, служил отечеству и не убивал пленных, а вы же, братцы, что, звери какие, женщин пленить?

Назир внезапно оказался рядом со мной и со всей мочи дал оплеуху:

– Заткнись, кобыла, хватит тут ржать!

Я споткнулась, упала на колени. Он шагнул ко мне и небрежно рукояткой ножа поднял подбородок:

– Если ты не закроешь свою пасть, я перережу тебе глотку.

Я поднялась с земли, попятилась назад: пара секунд – и все как в тумане. Чем-то тупым прилетело в голову. Сложно определить, сколько я была в отключке, но прошло немало времени. Очнувшись, я увидела звездное небо, которое просматривалось из щели на крыше сарая. Голова трещала по швам, тут не помогли бы и обезболивающие. Ссадина на лбу, как будто прошлись по мне наждачкой. Неприятно щиплет и свербит. И в голове всплывает фраза: «Вы тут сдохните, а у меня, понимаете ли, статистика», – именно это я услышала после очередной драки в стационаре. Врач тогда не хотел меня оставлять с кровоизлиянием в своем отделении

в канун Рождества. А теперь лежу здесь – ничтожное, изможденное тело – и никто не переживает ни за статистику, ни за репутацию. Судьба-злодейка, ничего не поделаешь.

Подруги по несчастью тряслись от холода и страха. Ингрида Платоновна была вне себя, качаясь из стороны в сторону, бормотала еле слышно под нос неразборчивые слова. Лицо ее было грязным и жалким, в таком виде свет бы ее не узнал. И снова мы в темноте – холод, голод, замкнутое пространство. От голода мерзнешь быстрее. Вонь от лошадиного навоза теперь перебивалась вонью от гниющего мяса. Очень громко и протяжно выл пес на улице. Такой вой стоит обычно, когда кто-то умирает, это я помнила из детства, моя бабушка знала немало народных поверий. Кстати о детстве, вспомнилась одна история, связанная с бандитами. Вернее, бандитов там не было, но мне очень хотелось их увидеть. Во время одной поездки в деревню с отцом в душном, набитом людьми автобусе, я сказала:

– Знаешь, пап, я бы хотела, чтоб сейчас группа бандитов захватила автобус, а мы взяли и всех спасли.

Он смеялся, приговаривая в ответ:

– Ну откуда же, дочка, у тебя столько адреналина в крови? Освободиться от захватчиков, да еще и без потерь спасти весь автобус – это ты интересно придумала. А как будешь спасать?

На тот момент мне было всего шесть лет, и я представить себе не могла настоящих бандитов, тем более – как от них спасти всех пассажиров автобуса.

И вот теперь, спустя много лет, я оказалась в горах в плену у нелюдей. Все же есть материализация мысли, и со своими желаниями нужно быть осторожнее. Чуть приподнявшись, я села на корточки, посмотрела в щель между неплотно прилегающими досками. Лагерь спал, за нами никто не пришел, возможно, у бандитов пока не созрел план относительно дальнейшего нашего пребывания.

– Так, девочки, мы не стадо овец и ждать хозяина не будем. Ломать дверь не можем, нашумим, разбудим. Давайте подкопаем с задней стороны – стены саманные, одна труха, – еле слышным шепотом велела Марго.

Достали крюк из рюкзака и по очереди копали, выбрасывали землю из-под прогнивших жердей. Работали не покладая рук, синхронно и быстро. Никто не хотел знать, каким будет продолжение банкета на рассвете. В течение часа мы вырыли целую нору, в которую по очереди с трудом протискивались наружу. Мы не медлили, были похожи на диверсантов, которые готовили побег из структурного подразделения особо охраняемого объекта. Выбрались, выволокли Ингриду – не пикнула. Пулей на полусогнутых пробежали вдоль лачуг, в которых ночевали наши похитители. Бежали со всех ног в сторону дороги, задыхаясь. Каждая понимала, что другого шанса не будет. Когда силы снова оставили нас, мы тащились на автомате, ноги сами несли.

Спустя некоторое время мы наткнулись на местный пост полиции. Удивительно, но он там был. В темноте ярко светилося окно, в котором то и дело мелькали двое полицейских, о чем-то оживленно говорили, смеялись. Мы подошли чуть ближе и увидели, как один из них присел на кресло и, нагнувшись к столу, аккуратно вдохнул белый порошок. «Дело гиблое, – подумала я. – А ведь они должны жить по букве закона».

– Это сон или наяву? – произнесла Даша, потеряв надежду в очередной раз.

– Чертовщина! Место какое проклятое, – продолжила Ингрида Платоновна.

Наркотики лишают человека каких-либо чувств. Люди, вставшие на этот путь, плывут по течению химических рек. Они лишены надежд, вселенской радости, им неизвестно страдание и жалость. Вставши на этот путь, ты попадешь в безжизненную вакуумную колбу, которая тебя высасывает, и выхода уже нет. Глаза полицейских наркоманов были увядшими. Они носились в ночных горах, не выходя из своей будки, словно вороны. Не орлы и ястребы, а именно вороны, так как эта птица у меня ассоциируется с падалью и смертью.

– Люди, которые взяли ложку или порошок – живые мертвецы. Нам с ними не по пути и говорить не о чем, – проговорила уверенно я.

К сожалению, мне было это известно не понаслышке. В моей повседневной жизни немало было знакомых, которые сидели на чем-нибудь. Есть и совсем конченный: а все потому, что папе-депутату и маме-балерине некогда было возиться с ним, его предоставили самому себе, бросили на произвол судьбы. Родителям было проще оплатить недопонимания, обиды и нехватку времени. Все проблемы решал баланс на платиновой карте сына, которую пополняли еженедельно крупной суммой. Одним вечером в загородном доме у друга мне предложили попробовать зелье. Любопытство брало вверх, очень хотелось погрузиться в обещанную нирвану. Я по природе своей хоть и бойкая, но трусовата, мне не хватило смелости это сделать. И я говорю именно о смелости, а не о том, что я осознанно отказалась, желание было сильным. Наблюдала, как через трубочку из купюры мои приятели втягивали смерть. На моих глазах их жизненные процессы замедлились, они растворялись в эйфории и, кажется, не чувствовали реальности. Но была и вторая сторона медали: наутро после вечеринки начались жуткие головные боли, судороги, нервозность, мир поблек, они чувствовали себя очень одинокими и несчастными без допинга.

Мои воспоминания прервал звук телефонного звонка, донесшийся из опорного пункта. Я подошла ближе к окну и увидела, как один из полицейских поднял вальяжно трубку и внимательно слушал, кивая. Говорили, казалось, о чем-то важном, я решила подождать, пока блюститель порядка закончит разговор. Как вдруг он произнес:

– Что говоришь? Барышни без сопровождения? Ха! Барышни – это всегда хорошо, особенно в ночное дежурство. Конечно, задержим и доставим. Не переживай, Чибя, все по высшему классу оформим.

И тут все стало на свои места: нас уже спохватились и начали искать. От полицейских помощи ждать нечего. Они не только под кайфом, но еще и заплачены с головы до ног. Что делать?

Коротко посоветовавшись, мы решаем быстро убираться отсюда. Можно спуститься обратно в ущелье – да не важно, главное не попасть в лапы зверям. К нашему несчастью, у Дашки прихватил низ живота, она более не могла двигаться в нужном темпе, гипертонус взял свое.

«Господи, услышь меня, Спаси и Сохрани малыша этой бедной девушки», – повторяла я про себя. Взяв Дашку под руки с двух сторон, мы чуть ли не волокли ее, она держалась, но ей было очень больно. Даша корчилась, как раненая птица, но все же упорно продолжала идти.

Добравшись до развилки, мы увидели, как навстречу двигались несколько больших машин – это были бензовозы. Взявшись за руки, мы перегородили дорогу. Я держала что есть мочи с одной стороны холодную, тонкую руку Марго, с другой стороны —мягкую и влажную руку Ингриды Платоновны. Мы стояли как вкопанные, никто и не думал уходить с дороги, уж лучше пусть переедут и колеса размажут кровь по асфальту, чем попасть в руки бандитов.

Адреналин зашкаливал, пальцы скользили и немели, но мы стояли неподвижной цепью, перекрыв собой шоссе с упорством обреченных. Бензовозы ослепили нас ближним светом, мы слепо шурились, пытаясь разглядеть. Машины притормозили и сбавили ход до полной остановки. Из кабин первой и второй выпрыгнули водители. Одному около тридцати лет, в джинсах и футболке с длинным рукавом «Guns N' Roses». Другой значительно старше, лет пятидесяти, в спортивном костюме и сланцах – в лучших традициях дальнобойщиков.

– Салам Алейкум, сестры! Что у вас произошло и что вы здесь забыли!? – удивленно воскликнул тот, что постарше.

Второй широко улыбнулся и продолжил:

– Эти места не настолько спокойны, чтоб здесь устраивать променад, дорогие. Мы, конечно, знаем, что русские женщины и в горящую избу, и коня на скаку, но не до такой же степени! – мне понравился его голос – мягкий, доброжелательный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.